

Управляющий Сунь мысленно усмехнулся, но на лице сохранил почтительное выражение:

— Не усложняйте жизнь старому слуге, молодой господин. Зачем теперь этот разбитый вазон?

— Собери его, — пристально глядя на него, потребовал Се Цзяньвей.

От этого взгляда по спине управляющего пробежал холодок, но он давно привык третировать юного господина, а потому не придавал этому значения:

— ...Старый слуга, конечно, виноват, но подумаешь, ваза... Хозяева наверняка не станут из-за этого скандалить.

До сих пор главной причиной, почему прислуга могла столь открыто издеваться над маленьким хозяином, были родители Се Цзяньвея.

Эти двое круглый год пропадали вне дома и совершенно не заботились о болезненном ребенке. В будние дни они не виделись с сыном, лишь выслушивая отчеты слуг, и верили всему, что те говорили. Маленький мальчик, отчаянно желавший хоть разок повидаться с родителями, боялся дышать на прислугу и уж тем повод менее смел идти с ними на конфликт.

Подобное поведение лишь подстегивало наглость слуг, к тому же у них была еще одна причина постоянно измываться над Се Цзяньвеем.

Пока Се Цзяньвей хворал и не мог покинуть особняк, их рабочие места оставались в безопасности.

Сколь бы ни презирали родители этого болезненного мальчика, покуда он жив, они будут содержать его, а заодно и прислугу, которая за ним «ухаживает».

Се Цзяньвей изначально не собирался сводить с ними счёты, но это зрелище вызвало у него подлинное омерзение и затронуло воспоминания, ворошить которые он не желал.

В эпоху Федерации Третий молодой господин Се всегда был окружен сияющим ореолом, признанным победителем по жизни, вызывая у каждого лишь зависть.

Однако у Се Цзяньвея имелось прошлое, о котором никто не знал — о нем не ведал даже Лу Ли.

Се Цзяньвей молчал, а Лу Ли не расспрашивал.

Ведь все полагали, что прошлое Третьего молодого господина ослепительно и счастливо.

В конце концов, его происхождение, талант и поразительный ум гремели на всю Галактику.

Этот сон — простое совпадение, Се Цзяньвей отлично это понимал. Совпадение до боли в сердце.

Вины Лу Ли в том не было; напротив, перед нами извечный закон — всё равно что дважды два четыре. То, с чем он столкнулся, выпало на долю многих людей из точно таких же обстоятельств.

Пока сходятся причины, неизбежно поразительное единообразие исхода.

Сама логика — вещь абсолютно реальная.

Управляющий Сунь, естественно, не собирался потакать «вздури» молодого господина. Заставить его собирать осколки? Мечтать не вредно.

Управляющий Сунь повернулся, намереваясь уйти, но Се Цзяньвей встал с кровати, в несколько шагов приблизился к вазе и протянул руку прямо к острым осколкам.

Его кожа была нежной и гладкой, а тонкий фарфоровый черепок разил острее ножа.

Стоило Се Цзяньвею крепко сжать руку, как алая кровь тотчас хлынула ручьем.

Управляющий Сунь остолбенел:

— Молодой господин, вы... вы...

Никаких поверхностных травм! Ни в коем случае нельзя допускать поверхностных травм!

Они могли третировать Се Цзяньвея, пренебрегать им, притеснять во всех смыслах, но у него на теле не должно быть и царапины.

Се Цзяньвей и без того слаб здоровьем — хвори стали для него привычным делом, и никто бы не заподозрил плохой уход. Но порез — совсем другое дело! Если подобное выплывет наружу, это станет несомненным проявлением их халатности, оправдаться за которую не удастся никому и никогда!

Се Цзяньвей прекрасно понимал, чего тот боится. Сохраняя бесстрастное лицо, он медленно произнес:

— Не хочешь собирать ты — соберу я сам.

Управляющий Сунь испуганно ёкнул и торопливо заговорил:

— Молодой господин, не гневайтесь, я сию же минуту велю принести вам вазу еще лучше.

Взгляд глаз Се Цзяньвея был леденящим:

— Мне нужна только эта.

Управляющий Сунь действительно испугался и взволнованно залепетал:

— Да это же просто ваза, молодой господин, вы...

— Она моя, — оборвал его Се Цзяньвей. — Моя вещь, даже превратившись в мусор, все равно принадлежит мне.

В этот самый момент в дверях появился доктор Лу.

Доктор Лу: Возможно, вы мне не поверите, но сколько лет женат, а героически спасаю красавицу впервые в жизни.

Автор: И тем не менее это всё еще сон.

Лу Ли: Глава девятнадцатая

Увидев Лу Ли, управляющий Сунь бросился к нему и принялся нагло искажать факты, в каждом слове выставляя Се Цзяньвэя самодуром:

— Доктор Лу, уговорите же молодого господина! Старый слуга неуклюж на старости лет, разбил вазу, а молодой господин проходу не дает, требует непременно собрать её обратно! И вон до чего дошло — даже собственную руку поранил!

В обычных обстоятельствах все встали бы на сторону управляющего Сунь: во-первых, он человек в возрасте, во-вторых — представитель угнетенной стороны, а третирующий его богатый барчук идеально укладывается в рамки привычных представлений.

Но на сей раз управляющий Сунь просчитался.

Не успел он приблизиться к доктору Лу и вымолвить вторую фразу, как Лу Ли без всяких церемоний занес ногу и со всего маху отбросил его ударом в сторону.

Управляющий Сунь почувствовал во рту сладковатый привкус и едва не изверг кровь. Он ошеломленно уставился на Лу Ли со взглядом полнейшего неверия.

Прежняя мягкая учтивость Лу Ли испарилась: лицо его помрачнело, в глазах залегли осколки льда, а голос зазвучал холоднее инея:

— Не в состоянии уберечь даже любимую вещь хозяина, у тебя еще хватает наглости занимать это место?!

Управляющий Сунь действительно ни в грош не ставил этот проклятый сосуд. У него в доме подобных ваз полным-полно, подумаешь, разбилась одна — пойдет да тотчас заменит новой!

Не желая сдаваться, управляющий Сунь попытался продолжить жаловаться на Се Цзяньвэя:

— Старый слуга виноват, но ведь я пекся о здоровье молодого господина! Осколки такие острые, а он упрямо полез собирать их сам, я... — ближе к концу словечко «слуга» растаяло, оставив лишь «я».

Лу Ли холодно усмехнулся:

— Раз так, собирай сам.

— А? — Управляющий Сунь не ожидал возврата к прежней теме. Наконец до него дошло, что Лу Ли поддерживает Се Цзяньвэя. Ему доводилось встречать подобных лизоблюдов: они полагают, что подлизываться к господину выгодно, вовсе не ведая, что этот юноша — никому не нужный сирота.

Подлизываться — пустая трата сил!

Поднявшись на ноги, управляющий Сунь больше не пытался притворяться. Напустив на себя суровый вид, он заявил:

— Старый слуга поставлен сюда волей господина и госпожи присматривать за юным господином. Но забота заключается не только в еде и одежде, а в воспитании и нравственности. Старый слуга...

Лу Ли, опустившись рядом с Се Цзяньвэем, как раз останавливал кровь и накладывал повязку. Услышав это, он резко вскинул голову. Его хищный взгляд блеснул молнией, а голос прозвучал

жестко, как металл:

— Сунь Чандэ, как по-твоему, Се Син поверит тебе или мне?

Сунь Чандэ вздрогнул всем телом, затрясся, словно маятник часов, и долго всматривался в Лу Ли, прежде чем сообразить.

Помрачился рассудком! Совсем лишился рассудка!

Он забыл, кто такой Лу Ли!

Этот доктор Лу — великолепный специалист, но в то же время — третий молодой господин семьи Лу.

Пусть он и внебрачный сын, возвращенный в семью извне, клан Лу держит в кулаке политическое сердце страны. Это подлинная знать, весомая куда сильнее дома Се.

Се Син — отец Се Цзяньвея, а Лу Ли позволяет себе называть его по имени без всяких титулов; очевидно, он ничуть его не боится.

Лишись он поддержки господина и госпожи, чего стоит этот Сунь Чандэ?! Да он и гроша ломаного не стоит!

К тому же, положив руку на сердце, Се Цзяньвей — все же родная кровь Се Сина. Раньше тот злился на бесхребетность сына, а благодаря усердным науськиваниям Сунь Чандэ и прочих испытывал к наследнику лишь глубокое разочарование.

Но если Лу Ли замолвит пару слов, Се Син из уважения к клану Лу наверняка взглянет на Се Цзяньвея совсем иначе, и уж тогда он ни за что не станет выгораживать какого-то второстепенного управдома.

Сунь Чандэ слишком привык бесчинствовать в этом поместье, по глупости своей приняв Лу Ли за такого же простофилю, как Се Цзяньвей!

В этот миг к нему вернулось протрезвление. Лоб покрылся холодным потом. Трясаясь всем телом, он опустился на колени прямо на ковер и, забыв про ранящие осколки, принялся лихорадочно подбирать обломки вазы:

— Старый слуга сейчас же... мигом соберу вазу, сию же...

— Вон отсюда, — ледяным тоном оборвал его Лу Ли. — Через час ваза должна быть целой.

Он не сказал ничего лишнего, но Сунь Чандэ, представив, как Лу Ли парой слов может вышвырнуть его на улицу, побледнел как полотно:

— Обязательно! Я непременно всё соберу!

Наконец прогнав надоедливую муху, Лу Ли с хмурым видом оглядел раненую ладонь Се Цзяньвея и со вздохом упрека выговорил:

— Ну как же ты так неосторожен?

Се Цзяньвей молчал, лишь тихонько шлепнула о тыльную сторону ладони Лу Ли единственная слезинка.

Будто обожженная капля прожгла самое сердце Лу Ли, причинив боль, острую словно укол иглы. Он поднял голову и увидел, что Се Цзяньвей упрямо закусил нижнюю губу, глаза покраснели и припухли, по щекам бегут слезы, но при этом он не издает ни звука.

Сердце Лу Ли сжалось от безграничной жалости. Обхватив лицо Се Цзяньвея ладонями, он осыпал его щеки легкими поцелуями и хрипло прошептал:

— Не плачь, Сяо Вэй... Не плачь.

Се Цзяньвей горько плакал, хотя в мыслях сохранял кристальную ясность. Ну что поделать, синдром цундэрэ — сильная собственническая жилка: если дело касается личных вещей, хороши они или плохи, их непременно нужно забрать себе. Разбитая кем-то ваза — пустяк на первый взгляд, но для этого юного господина она задевала самые потаенные струны души, такое стерпеть было нельзя.

Лу Ли решительно не мог выносить его слез: когда плакал Се Цзяньвей, самому Лу Ли приходилось вдесятеро тяжелее. Лишь бы тот перестал плакать — он готов был на что угодно.

Се Цзяньвей раздумывал: не стоит ли подбросить еще немного драматизма? К примеру, заявить, что эту вазу случайно оставила мать? Не очень надежно, в конце концов, с какой стати какому-то доктору таскать с собой вазы?

Однако Лу Ли оказался осведомлен куда лучше:

— Я знаю, что этот ваза осталась от твоей матери. Не плачь, в следующий раз, когда она вернется, непременно привезет тебе подарок.

Се Цзяньвей: «...» Ах вот оно что, вещь матушкина. Знал бы — не стал лить слезы.

Лу Ли мягко успокаивал его:

— Если она тебе так нравится, чуть позже я сам сделаю для тебя красивую вазу.

Услышав это, Се Цзяньвей решил, что идея имеет право на жизнь. Взглянув на него, он всё еще с дорожками слез на щеках, но с куда более посветлевшими глазами, переспросил:

— Правда?

Только тут Лу Ли осознал, что зашел в своих ласках слишком далеко. Опустив руки, он тихо ответил:

— Правда.

Се Цзяньвей не придавал этому особого значения — подумаешь, поцелуй в щеку? Куда более интимных вещей случалось предостаточно. Его занимало то, что будет дальше:

— Ты сам её сделаешь?

— Именно, — подтвердил Лу Ли.

Се Цзяньвей ухватил его за рукав:

— Можно мне вместе с тобой?

Лу Ли на миг замер.

Се Цзяньвей смотрел на него снизу вверх, с мольбой во взоре. На загнутых ресничках еще блестели капельки слез, а чуть покрасневшие края глаз делали взгляд поразительно чистым и прекрасным, словно омытым водой.

До чего же хорош. До умопомрачения хорош.

Лу Ли улыбнулся:

— Ладно. Как только осматрю твоё здоровье, пойду приготовлю всё необходимое.

Се Цзяньвей от избытка чувств даже слегка порозовел щеками:

— Замечательно!

Здоровье Се Цзяньвея не таило никакой опасности — напротив, после пореза руки ему стало значительно лучше, чем до него.

Видимо, доктор Да-Ли так испугался вида крови, что в подсознании горячо пожелал Се Цзяньвей крепкого здоровья, дабы тот прожил долгие годы, не ведая болезней и живя в покое и уюте.

Потому скверное состояние Се Цзяньвея чудесным образом вновь пошло на поправку.

Каковы истинные познания доктора Лу в медицине, Се Цзяньвей — доктор медицинских наук — оценивать не брался, но лечить тот умел превосходно.

Велел тебе выздороветь — и ты выздоравливаешь, истинное своенравие!

Жаль только, что из-за этой не поддающейся логике «божественной воли» доктор Лу наотрез отказался замечать, что прошлой ночью Се Цзяньвей страдал от диареи и обезвоживания, да так, что не мог подняться с постели.

А следовательно, оставался в неведении, сколь много «добрых вещей» умял Се Цзяньвей накануне вечером.

Управляющий Сунь избежал расплаты? Вовсе нет, это было лишь начало.

Се Цзяньвей вовсе не собирался и дальше позволять вытирать о себя ноги. Пусть по условиям сценария он — хрупкий и наивный юноша, которого всякий норовит обидеть, сие отнюдь не значит, что он не в силах сбросить оковы и затянуть победную песню.

Способов проучить эту свору имелось в избытке. Даже без помощи Лу Ли Се Цзяньвею не пришлось бы прикладывать особых усилий, не говоря уж о том, что рядом находился любимый муж.

Тело Се Цзяньвея всё еще оставалось слабым, поэтому Лу Ли поставил ему капельницу, под которую тот в полусне провалился в дремоту, а проснувшись после полудня, обнаружил, что Лу Ли уже принес инструменты для изготовления вазы.

Слезши с кровати, Се Цзяньвей с любопытством осведомился:

— Что это?

— Гончарный круг, — ответил Лу Ли. — С его помощью мы придадим форму будущей вазе.

Се Цзяньвей и впрямь заинтересовался: в эпоху Галактики столь архаичных механизмов уже не водилось, однако это маленькое устройство, простое, но не примитивное, являло собой прекрасный плод человеческого разума.

Се Цзяньвей с живым интересом наблюдал за процессом, пока Лу Ли хмуро не бросил:

— Надень обувь.

Се Цзяньвей в одной пижаме босиком выскочил на пол. Его белые стройные голени и изящные стопы напоминали распустившиеся в лучах утреннего солнца цветы — столь нежные, что от них слепило глаза.

Взгляд Лу Ли то и дело невольно соскальзывал туда.

Заметив это, Се Цзяньвей мысленно усмехнулся, сохраняя на лице абсолютную невозмутимость:

— Ничего страшного, в доме тепло.

Жарко — это точно. Лу Ли чувствовал себя раскаленным от макушки до пят.

— Придется делать вазу во дворе.

Се Цзяньвей хлопнул ресницами:

— Разве нельзя в комнате?

Лу Ли в третий раз отвел взгляд от его щиколоток:

— Грязи наведем повсюду.

Се Цзяньвей лукаво улыбнулся:

— Вот оно что... Тогда я переоденусь.

Пусть они и вышли во двор, грязи все равно навели на славу. Се Цзяньвей давным-давно раскусил технологию и запросто мог бы с первого раза сотворить безупречную вазу, но ему требовалось играть роль. Стоило вжиться в образ, как в нем проснулся озорной азарт, и он щедро измазал Лу Ли глиной с ног до головы.

В итоге провозились они в грязи вдвоем, слепив аж два кувшина.

Изделие Лу Ли вышло стройным и изящным, а творение Се Цзяньвея — круглым, пухлым и слегка кривобоким, но донельзя милым.

Се Цзяньвей потребовал:

— Я забираю твой!

Лу Ли снисходительно кивнул:

— Всё принадлежит тебе.

Се Цзяньвей покачал головой:

— Нет, так не пойдет. Мой — тебе.

Лу Ли бросил взгляд на нескладную поделку Се Цзяньвея, и уголки его губ чуть приподнялись:

— Договорились. — В его глазах сияло столько тепла, словно он заполучил величайшее сокровище.

Заметив это выражение лица, Се Цзяньвей почувствовал легкий зуд в сердце, а окинув взглядом его испачканную глиной фигуру, тут же созрел коварный план.

— Доктор Лу, пойдемте искупаемся.

Лу Ли не сразу сообразил.

Се Цзяньвей потянул за воротник пижамы:

— Мы же все в грязи испачкались.

На его белых ключицах красовалось пятнышко коричневой глины, и этот резкий контраст цветов неожиданно придал происходящему пикантный оттенок.

Автор: Вообще-то мини-сценка сейчас должна была выглядеть так — Лу Ли: «Я измотаю тебя до смерти».

Жаль, что из-за кратковременности вселения до этого не дошло. До завтра!

Глава двадцатая

Лу Ли на мгновение замер:

— Хорошо.

Глаза Се Цзяньвея засияли, он ухватил его за руку:

— На третьем этаже просторнейшая ванная, давай вместе...

Не успел он договорить, как Лу Ли вежливо отказался:

— Я помоюсь внизу.

Се Цзяньвей тут же изобразил полнейшее разочарование:

— Разве вместе не лучше?

— Не лучше, — отрезал Лу Ли.

Се Цзяньвей: «...»

Лу Ли взъерошил его волосы:

— Послушайся. Как закончишь с ванной, садись ужинать и ложись пораньше.

Се Цзяньвей уловил скрытый смысл в его словах:

— Ты собираешься уходить?

— Да, — подтвердил Лу Ли. — Время уже позднее.

Се Цзяньвей закусил губу, и разочарование в его взгляде стало еще заметнее — было очевидно, как сильно он не хочет отпускать гостя.

Притворившись, будто ничего не замечает, Лу Ли успокоил его:

— Если что-то снова начнет беспокоить, свяжись со мной.

С этими словами он собрался уходить, но Се Цзяньвей вдруг ухватил его за рукав, и голос юноши задрожал:

— Доктор Лу.

Лу Ли обернулся:

— Мм?

Се Цзяньвей указал на собственную грудь:

— У меня здесь болит.

Лу Ли опешил.

Се Цзяньвей поднял на него взгляд:

— Очень-очень сильно... Вы не могли бы остаться?

Грудь Лу Ли тяжело вздымалась, однако голос прозвучал ровно:

— Это твой дом.

Се Цзяньвей молчал, не сводя с него глаз.

Лу Ли и сам не понял, как разжал пальцы на собственной руке:

— Я тебе не член семьи.

Се Цзяньвей упрямо вымолвил:

— Но вы — лучший из всех, кого я встречал.

Лу Ли усмехнулся:

— Ты просто слишком мало людей видел.

Се Цзяньвей покачал головой:

— Нет. Доктор Лу, вы правда...

Лу Ли щелкнул его по лбу, прерывая разговор:

— Ступай в ванную. Я подожду, пока ты закончишь.

Это можно было считать уступкой. Се Цзяньвей остался недоволен, но поделаться ничего не смог.

Совместное купание сорвалось. Настоящий малолетний Се Цзяньвей, пожалуй, так бы всё и оставил, но военный стратег Се разве мог упустить столь прекрасную возможность?

Лу Ли не хочет идти сам? У него найдутся способы заставить его прийти.

Скинув одежду, Се Цзяньвей направился в ванную, набрал горячей воды и устроился на бортике со смартфоном в руках.

Судя по времени, полчаса он точно сможет убить за игрой.

Скучая от безделья, Се Цзяньвей с помощью этого крошечного устройства подключился к ряду секретных базовых станций этого мира, в общих чертах оценив местный уровень технологий и культурного развития.

Полчаса пролетели незаметно, и Се Цзяньвей, отложив гаджет, начал раздеваться.

Облачившись в первозданный вид, он погрузился в ванну, прикрыл глаза и притворился, будто потерял сознание от духоты.

Это выглядело вполне правдоподобно: во-первых, он от природы слаб здоровьем, во-вторых, не сомкнул глаз всю прошлую ночь, а во-потросах вымотался днем, лепя с Лу Ли вазы.

Пусть за гончарным кругом он вроде бы сидел без движения, на деле это занятие отнимало немало сил — ручной труд есть ручной труд, все эти потягивания и вытягивания требуют концентрации, иначе форма горшка не удастся.

Усталость тела — полбеда, но ведь он только что пережил «душевную травму»: одно воспоминание о том, что Лу Ли собирается уйти, в сочетании с опостылевшим ужином и одиноким вечером ввергло бедного Сяо Вэя в прескверное расположение духа.

Под двойным ударом духа и плоти он вполне закономерно отключился прямо в ванной.

Раз Лу Ли пообещал дождаться окончания его купания, он никуда не уйдет.

А когда мытье затягивается почти на час, любой неизбежно встревожится.

И точно: спустя еще пару минут из-за двери раздался стук:

— Ты закончил?

Се Цзяньвей прекрасно слышал стук, но должен был делать вид, что без сознания — благо дверь оставалась незапертой.

Лу Ли тихо позвал его еще раз, пока Се Цзяньвей усердно изображал обморок.

Стоявший за дверью Лу Ли замер. Его рука лежала на дверной ручке, но толкнуть её он так и не решился.

Он не смел смотреть на обнаженного Се Цзяньвея, не смел воображать картину внутри и не

смел...

Но в то же время он не мог допустить, чтобы на него посмотрел кто-то другой.

Се Цзяньвей слаб, должно быть, слишком долго просидел в горячей воде и потерял сознание. Придется войти и вынести его наружу, и хотя делать это должен не он, кроме него некому.

Лу Ли знал, что не имеет права питать столь грязные и порочные мысли к юноше, который младше его на двенадцать лет и при этом так безгранично ему доверяет.

Но совладать с собой не мог.

С того самого дня, как впервые переступил порог этого особняка, впервые узрел Се Цзяньвея и услышал его голос, он бредил им наяву.

Казалось, он ждал его целую вечность, бесконечно тосковал и любил всем сердцем.

И это при том, что они встретились впервые, а Се Цзяньвей — всего лишь несмышленный подросток, который даже не ведает, что такое любовь.

Всего одна дверь разделяла их, словно граница между раем и адом.

Лу Ли не знал, встретит ли ад или рай за этой дверью, ибо давно разучился понимать, в каком из миров пребывает.

Раздался тихий щелчок.

Дверь всё-таки отворилась.

Просторная ванная, отделанная роскошной плиткой, сияла чистотой, однако клубы туманного пара скрывали излишнюю вычурность, придавая обстановке двусмысленную истому.

<http://bllate.org/book/21280/2156618>